

Глава 136

Первый зрительный зал

Годжо Хара бросил взгляд на Тодзи, который из-за kloкочущего гнева упустил из виду одну важную зацепку, и произнес:

— Фусигуро Тодзи, поубавь пыл. Если я правильно вижу, этот мерзавец уже давно мертв.

Тодзи прищурился, переведя тяжелый взгляд на Годжо Хару.

Оговорка «если я правильно вижу» никого в зале не обманула. Никто в здравом уме не усомнился бы в зоркости носителя Шести глаз. Хара и Сатору видели этот мир насквозь, куда отчетливее, чем кто-либо другой.

— У того парня шрамы на лбу... — подал голос Годжо Сатору. — Это та самая жижa с мозгами?

Хара утвердительно кивнул:

— В свое время я так и не сумел выследить источник проклятия, наложенного на госпожу Фусигуро. По логике вещей, если бы проклинатель был жив, я бы его нашел. Но теперь все встало на свои места. Тот маг действительно мертв: Кэндзяку просто завладел его телом, наложил проклятие на Эри, а затем перебрался в другой сосуд. Мой след оборвался на трупе, который он бросил за ненадобностью.

Даже Шесть глаз отслеживают проклятия по остаточной энергии конкретного тела. Сменив оболочку, Кэндзяку изменил и сигнатуру своей силы, начисто замата следы.

— Но зачем этой мыслящей жижe сдалась обычная женщина? — недоумевал Сатору.

Хара указал на воркующих супругов Фусигуро:

— Обычная? О нет. Госпожа Фусигуро — единственные путы, сдерживавшие Тодзи. Если мои догадки верны, Кэндзяку извел ее проклятием с одной-единственной целью: заставить Тодзи вернуться к ремеслу и вновь стать Убийцей магов.

Это предположение заставило одновременно обернуться и Тодзи из первого зала, и его двойника из второго.

Ощувив на себе тяжелые, давящие взгляды двух Небесных тиранов, Годжо Хара невозмутимо продолжил:

— Ему было жизненно необходимо вернуть Убийцу магов в игру, чтобы тот взялся за устранение Сосуда звездной силы. Тот факт, что даже Аmano Сакахоко — редчайшее проклятое орудие, способное обойти Безграничность Шести глаз, — столь вовремя оказалось в руках Тодзи, наводит на мысли. Весь инцидент с Рико Аманаи срежиссировал Кэндзяку. Его истинная цель — сорвать слияние Тэнгэна с Сосудом звездной силы.

Хара не стал вдаваться в подробности. У него имелись и другие догадки, но выкладывать все карты сразу не имело смысла — грядущие кадры на экране наверняка прольют свет на замыслы интригана.

Лица обоих Тодзи потемнели от гнева.

Если за трагедией действительно стоял Кэндзяку, если его любимую Эри сжили со света лишь ради того, чтобы выманить наемника из тени, то это было невыносимо. Осознание собственной вины жгло изнутри.

Никогда еще Тодзи так яростно не сожалел о своем кровавом прошлом.

Второй зрительный зал

— А ведь верно, — глухо произнес Тодзи из второго зала, и его лицо исказила мрачная гримаса.
— «Бансэйкё» тогда требовали, чтобы заказ на устранение Сосуда звездной силы выполнял именно я.

Тогда, раздавленный смертью Эри, он покатился по наклонной, топя горе в безразличии и азарте. Тот заказ он взял по двум причинам: ради легких денег и из желания утереть нос клану Дзэнъин вместе со всем их хваленым миром магов, прикончив хваленого обладателя Шести глаз.

Будь у него иные мотивы, он бы нашел способ прикончить девчонку без лишнего шума.

В самом начале Сатору и Сугуру не караулили Рико Аманаи круглосуточно и даже отпустили ее на занятия в школу. Тодзи мог бы убрать девчонку в любой момент и скрыться. Лишенный проклятой энергии, он оставался невидимкой для Шести глаз. Выполнить этот заказ не составило бы труда.

Но ущемленная гордость требовала своего. Тодзи решил разыграть долгую партию: натравил на защитников посторонних наемников, изматал Сатору постоянным напряжением, а когда тот расслабился на территории колледжа, нанес удар.

Он ведь почти победил. Тодзи пробил Сатору голову, перерезал горло, искромсал тело — нанес с десятков смертельных ран. Кто же знал, что на пороге могилы этот монстр сумеет постичь обратную проклятую технику, восстанет из мертвых и изречет свое безумное: «На небесах и на

земле — лишь я один достоин чести»!

Собственная гибель от рук переродившегося Годжо его не слишком задевала. Желание жить угасло в нем давным-давно. Единственной причиной, по которой он вообще топтал эту землю, была предсмертная просьба Эри позаботиться о сыне Мэгуми и попытаться стать счастливым. Но когда его настигла смерть, он встретил ее с безразличием.

Ему было плевать.

Однако смириться с тем, что вся его жизнь была лишь пешкой в чужой шахматной партии, а его любимую женщину хладнокровно принесли в жертву ради того, чтобы стравить его с Годжо Сатору... этого он вынести не мог.

Не простит. Никогда не простит.

В первом зале Тодзи сжал кулаки так, что побелели костяшки:

— Я ведь тоже поначалу наотрез отказался от того заказа. Но «Бансэйкё» словно с цепи сорвались — ломились именно ко мне, накидывая миллион за миллионом. Они шли целенаправленно.

Он бросил короткий взгляд на Годжо Хару. Не уговори его тогда наниматель, он бы ни за что не связался в эту авантюру. В отличие от того жалкого неудачника из параллельного мира, у которого отняли Эри, здешний Тодзи имел любящую жену, сына и теплый дом. С какой стати ему было лезть в пекло?

Пока они разбирались в хитросплетениях прошлого, огромный экран вспыхнул, являя истинное лицо кукловода.

На экране показался силуэт проклятого мага со швами на лбу. Он заворуженно наблюдал, как превращается в пепел тряпичная кукла с начертанным на ней именем «Эри Дзэньин». На его губах заиграла торжествующая, змеиная улыбка.

— Небесное проклятие, полностью лишившее его энергии... Такое рождается раз в тысячелетие, — донесся с экрана тихий, вкрадчивый шепот. — Только он способен разорвать узел судьбы, связывающий Тэнгэна, Сосуд звездной силы и носителя Шести глаз. Стоит Тодзи Дзэньину прикончить девчонку, и мой великий замысел наконец воплотится в этой эпохе. А если он еще и прибьет мальчишку Годжо — будет совсем идеально.

Затем незнакомец вытащил из складок одеяния клинок причудливой формы. Это было легендарное проклятое оружие особого ранга — Аmano Сакахоко, способное свести на нет любую проклятую технику.

«Нужно как можно скорее и незаметнее передать этот клинок Тодзи, — пронеслось в мыслях заговорщика. — Только в его руках Аmano Сакахоко раскроет свой истинный потенциал. Быть может, с этим оружием ему действительно удастся прервать род Шести глаз»

Картинка на экране сменилась. Мужчина со шрамом нашел новую жертву. Он хладнокровно вскрыл чужую черепную коробку и выскреб оттуда серые ткани. Затем его собственные пальцы потянулись к нитям на лбу, распуская швы. Кость разошлась, обнажая тошнотворное зрелище — пульсирующий человеческий мозг, усеянный мелкими острыми зубами. Мерзкий комок плоти скользнул наружу, шмякнулся на пол и шустро заполз в пустой череп нового хозяина, обживая новое жилище.

От этой детальной демонстрации переселения душ зрительный зал содрогнулся от омерзения.

— Какая мерзость! Это реально говорящий мозг! И у него... зубы?!

— Он просто выкидывает чужие мозги и занимает их место, чтобы управлять чужим телом?! Настоящий паразит!

Сатору покосился на побелевшего друга.

— Эй, Сугуру, — заговорщицки протянул он с широкой ухмылкой, — а ведь этот скользкий гад точил зуб и на твою тушку! Представь: он вскрывает твой череп, выкидывает твои замечательные мысли наружу, а вместо них усаживается сам — весь такой зубастый и склизкий. И ходит в твоём теле!

Красочное описание возымело эффект. Гэто невольно примерил увиденное на себя, и его желудок совершил кульбит.

— Заткнись, Сатору... Меня сейчас вырвет!

Их перепалку слышали во втором секторе.

Полупрозрачный призрак здешнего Сугуру Гэто — ныне покойного лидера религиозной секты — резко побледнел. Он с тревогой обернулся к тридцатилетнему Годжо-сенсею:

— Сатору... Скажи мне, что после моей смерти ты сжег мое тело дотла. Ну же?

Сильнейший маг современности помрачнел и промолчал, отведя взгляд.

В груди Гэто похолодело от дурного предчувствия.

— Сатору, не молчи! Ты ведь похоронил меня как подобает? Избавился от тела?

Доктор Иэири, безуспешно попытавшись нащупать в кармане сигареты, спокойно обронила:

— Твоего трупа я в глаза не видела.

— Что?! — ужаснулся призрак. — Сатору, ты не отдал мое тело Сёко?! Значит, я...

Его призрачное лицо приобрело отчетливый болотный оттенок. Смотреть на экран, где паразит обживал чужую голову, он больше не мог.

Сёко одарила старого друга полным сочувствия взглядом:

— Ну, если тот парень из первого зала прав, сейчас ты работаешь ходячим контейнером для чужих мозгов.

Обреченно вздохнув, призрак откинулся на спинку кресла. Знай он, какая участь ждет его останки, костями бы лег, но выжил.

И зачем только он затеял этот «Парад ста демонов»? Сидел бы себе тихо. Пока он не лез на рожон, Сатору пальцем бы его не тронул. А если бы он оставался жив, никакой паразит не сумел бы прибрать к рукам его тело и технику.

Их диалог эхом разнесся по первому залу.

Юные Сатору и Сугуру потрясенно переглянулись.

Неужели глупая шутка Сатору оказалась пророческой для параллельного мира?

Сатору со всей силы хлопнул друга по плечу:

— Сугуру, глянь на себя из будущего! Давай, спроси у него, каково это — делить черепную коробку со склизким жильцом!

— Сгинь, Сатору, — буркнул Гэто, сбрасывая его руку со своего плеча. — Очевидно же, что он мертв и ничего не чувствует. Но сама мысль...

В отличие от Сатору, который начисто отрицал любую связь со своими двойниками, Сугуру обладал слишком развитой эмпатией. Он невольно проецировал чужую судьбу на себя.

Картина осквернения собственного трупа встала перед его мысленным взором столь отчетливо, что Гэто передернуло. Он поспешно отвернулся от соседнего сектора, пытаясь подавить тошноту.

Тем временем призрак из второго зала все еще цеплялся за призрачную надежду. Он нерешительно посмотрел на своего убийцу:

— Сатору... Когда все закончится, сходи на мою могилу. Раскопай ее. Проверь.

Вдруг пронесло?

Годжо-сенсей лишь глухо и бесстрастно обронил:

— Ладно.

Разумеется, он проверит. Он не позволит никому осквернять прах единственного друга.

В свое время он не отдал тело Сугуру на вскрытие Сёко лишь потому, что хотел уберечь ее от этой тяжелой обязанности. Он надеялся подарить другу покой, предав его земле со всеми почестями, защитить от жестокого мира хотя бы после смерти. И теперь мысль о том, что труп Сугуру похитили и использовали как марионетку, отзывалась в его душе глухой, яростной болью.

Тварь, посмевавшую нарушить его покой, ждет скорая и мучительная расправа.

Прислушиваясь к разговорам во втором зале, Годжо Хара окончательно утвердился в своих выводах. Поколебавшись мгновение, он все же решил предостеречь взрослого мага:

— Сатору-кун, если тела действительно след простыл, будь начеку. Кэндзяку наверняка использует лицо твоего друга, чтобы ударить по больному.

— Я никогда не перепутаю Сугуру с кем-то другим, — отрезал тридцатилетний Годжо.

— В этом и кроется ловушка, — спокойно возразил Хара. — Для активации Тюремной обители жертва должна простоять в радиусе четырех метров ровно одну минуту. Но есть нюанс: учитывается минута в сознании цели. Ты можешь поручиться, что при виде восстановшего из мертвых друга твой разум не улетит в воспоминания о юности? Для тебя пройдет вечность, а в реальности — всего миг.

Хара опустил ресницы, в его голосе прорезались холодные нотки:

— Не недооценивай Тюремную обитель.

Он небрежно извлек из кармана кубик, усыпанный живыми моргающими глазами, и подбросил его на ладони.

— Кэндзяку пытался поймать меня в эту штуку. Если бы малыш Конан не выиграл для меня те спасительные секунды, я бы сейчас здесь не сидел. Выбраться изнутри невозможно, а открыть ворота извне способны лишь два артефакта: Аmano Сакахоко и Чёрная верёвка.

У Годжо-сенсея дернулся глаз. Он натянуто рассмеялся:

— Надо же... Вот оно что. Оказывается, эти зубочистки могли сломать печать...

Он замялся на полуслове, а затем неловко почесал затылок:

— Жаль, конечно. Я ведь их обе подчистую уничтожил.

Призрак Гэто смерил своего убийцу полным скепсиса взглядом.

«И что тут смешного, идиот? Соберись!»

Хара продолжил крутить в пальцах злоеущий куб:

— Тюремная обитель удерживает пленника ровно тысячу лет. Но закон тот же: ментальное время приравнивается к физическому. Если внешних ключей не осталось, тебе придется силой мысли прожить внутри эту тысячу лет. Тогда печать спадет сама собой.

Едва избежав ловушки, Хара досконально изучил ее природу, прорабатывая любые сценарии спасения.

Ограничения Тюремной обители были абсолютными. Внутреннее пространство полностью изолировало пленника, блокируя проклятую энергию и проклятые техники. Бороться с барьером изнутри силой было бесполезно — оставалось лишь принять правила игры и обмануть время.

Если заставить собственный разум прожить тысячу лет в изоляции, во внешнем мире пройдет всего пара дней.

Задача на грани безумия, но вполне выполнимая для гения.

Подобная идея показалась присутствующим чистым безумием.

— Прожить тысячу лет наедине со своими мыслями? Да любой нормальный человек превратится в овощ за первый же век!

— Маги, конечно, все с придурью, подпитываются негативом, но даже для сильнейших это перебор. Из Тюремной обители выйдет законченный психопат.

— Но мы же говорим о Годжо Сатору! Если кто и способен повернуть такое, то только он.

— Даже если и так... Кому нужен безумный Годжо Сатору на свободе? Проще оставить этого монстра гнить в коробке.

— И то верно. Если он слетит с катушек, мир превратится в руины. Пусть сидит под замком.

До слуха Хары долетели эти шепотки из второго сектора. Пусть те трусливые ничтожества имели в виду не его драгоценного младшего брата, а лишь взрослого Сатору из параллельной реальности, имя у них было одно.

И терпеть подобное отношение к своей семье Годжо Хара не собирался.

Воздух вокруг него мгновенно заledenел. Леденящая душу жажда убийства мертвой хваткой вцепилась в горло сплетников. Объединив колоссальное давление проклятой энергии с техниками ментального подавления, перенятыми им из теннисного мира, Хара нанес сокрушительный ментальный удар прямо по разуму обидчиков.

В головы магов лавиной хлынули чужие кошмары — квинтэссенция ярости и крови сотен проклятий и отступников, отправленных Харой на тот свет.

Раздался короткий, захлебывающийся хрип. Сплетники без сил повалились на кресла, тяжело дыша. Жизнь едва теплилась в их телах.

Проекция на экране резко замерла. Голос, который до этого ощущался лишь как смутное присутствие где-то на грани восприятия, наконец прозвучал отчетливо, раскатившись под сводами зала:

— Годжо Хара, на территории кинозала строго запрещено применение силы и убийство!

Хара лишь лениво подпер подбородок ладонью и закинул ногу на ногу, всем своим видом выказывая полнейшее безразличие.

— И с какой стати я должен подчиняться какому-то бестелесному голосу? — хмыкнул он. — Эти шавки заслужили смерть своими грязными языками. Одним сбродом больше, одним меньше — какая разница.

Остальные зрители испуганно затаили дыхание. Какая наглость! Настоящий безумец, уверенный в своем превосходстве.

Голос, казалось, опешил от столь наглого вызова. Повисла тяжелая пауза, после чего зал вновь содрогнулся:

— ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ НАРУШИТЕЛЬ БУДЕТ ПОДВЕРГНУТ НАКАЗАНИЮ.

Из пустоты соткались призрачные цепи, обвитые трещащими молниями, и устремились к нарушителю. Но стоило им войти в личное пространство Хары, как их скорость начала стремительно падать, пока звенья практически не застыли в воздухе в паре дюймов от его плеча.

— И это всё? — лениво протянул он.

Хара щелкнул пальцами, отправляя в застывшее плетение крошечные сгустки концентрированной энергии. Точные удары пришлись на узловые точки барьера. Раздался сухой треск, и карающие цепи рассыпались безобидными искрами.

Сила, созданная законами пространства, подчинялась тем же законам, которыми Хара владел в совершенстве.

— Как ты... — в голосе невидимого зрителя прорезался отчетливый страх, но фраза оборвалась на полуслове.

Больше таинственный судья не подавал признаков жизни, а застывшая картинка на экране вновь пришла в движение.

Однако атмосфера в зале изменилась. Теперь здесь царила гробовая, звенящая тишина. Никто не смел издать и звука.

Молчание нарушил звонкий голос юного Сатору:

— Братец, ты сейчас заступился за того взрослого меня? Надеюсь, ты не проецируешь на него свои чувства ко мне? Да, его тоже зовут Годжо Сатору, но я — это я! Никаких суррогатов, понял? Суррогаты под запретом!

Величественная маска грозного мага мгновенно слетела с Хары. Он поспешно замахал руками, успокаивая брата:

— Ну что ты, Сатору, и в мыслях не было! Те ничтожества послужили лишь предлогом, чтобы прощупать силы нашего невидимого тюремщика. Меня до глубины души возмущает, что это

пространство копается в наших головах и вываливает все мысли на всеобщее обозрение.

Конечно, доля искренней злости в его действиях присутствовала: пострадавшие действительно осквернили имя Годжо своими грязными ртами.

Хара физически не переносил, когда кто-то смел дурно отзываться о Сатору. Неважно, о каком именно — сам звук этого имени обязывал к уважению.

Сатору удовлетворенно фыркнул. Ему было плевать на чужое мнение, но мысль о том, что брат может проявить заботу о его параллельном двойнике, заставляла его ревновать.

Взрослый Годжо-сенсей приподнял край повязки, явив миру пронзительную лазурь своего глаза. Он долго всматривался в сидящих неподалеку братьев, после чего молча вернул ткань на место.

Третий зрительный зал

[Годжо Хара] — холодный и отстраненный, словно изваяние древнего божества на забытом престоле — тоже внимательно наблюдал за происходящим в первом секторе.

Он следил за короткой схваткой Хары со стражем пространства, подмечая каждую деталь.

«Значит, даже обзаведясь обузой в виде младшего брата, ты не растерял хватку, — пронеслось в мыслях [Хары]»

Только сейчас этот ледяной маг признал в Харе свое альтернативное отражение. До этого момента, наблюдая на экране, как его двойник нянчится с Сатору и потекает любым капризам мальчишки, он испытывал лишь брезгливое недоумение, отказываясь верить, что столь бесхребетный тип может быть его альтернативной версией.

Теперь же, узрев крупицу истинного могущества соседа, [Хара] неохотно кивнул собственным мыслям.

Окружавшие его в третьем секторе зрители мало чем отличались от публики из первых двух залов, за одним исключением: все они, кроме самого [Хары], походили на бесплотные призраки. В их родном мире смерть уже собрала свой урожай.

Отошедшим в мир иной душам было не до пустых разговоров о чужих судьбах. К тому же присутствие восседавшего в первом ряду [Хары] — истинного тирана и грозы всего живого — сковывало их ледяным ужасом.

Будь они из плоти и крови, в зале не раздавалось бы даже дыхания. Мертвецы безмолвствовали,

боясь лишним шорохом навлечь на себя гнев своего кошмара.

Экран вновь привлек к себе внимание зрителей.

«Исцелив Эри с помощью обратной проклятой техники, Хара настоял на том, чтобы Тодзи инсценировал ее смерть. Это уберегло бы женщину от новых покушений со стороны таинственного кукловода.

Ради конспирации Эри вернула девичью фамилию, вновь став Фусигуро. Вслед за ней имя сменили муж и маленький Мэгуми.

Хара оказался на редкость заботливым покровителем. Он обеспечил подопечных новыми документами, безвозмездно переписал на них просторный дом и назначил Тодзи солидный ежемесячный оклад. И хотя зарплатная карта прямиком отправлялась в руки Эри, наниматель никогда не скупился на выплаты.

Даже сам Тодзи, изначально полагавший, что его просто используют как живое оружие и выбросят за ненадобностью, был поражен подобным благородством».

Увидев на экране откровения своего телохранителя, Хара удивленно приподнял бровь:

— Так вот какого ты был обо мне мнения, Тодзи? Считал меня бездушным эксплуататором? А я-то наивно полагал, что плачу более чем щедро и никогда не зажимаю премиальные.

Под тяжелым, испытующим взглядом Эри Тодзи отвел глаза и неловко кашлянул:

— Ну... понимаешь, до тебя мне попадались исключительно рабовладельцы. Впервые в жизни встретил нанимателя с совестью, вот с непривычки и заподозрил неладное.

Хара скользнул взглядом по тонким пальцам Эри, мертвой хваткой вцепившимся в бок мужа, тактично сделал вид, что ничего не заметил, и снисходительно кивнул: ладно, оправдание принято.

Однако упускать шанс подлить масла в огонь он не собирался. Повернувшись к женщине, он заговорщицки произнес:

— Кстати, госпожа Фусигуро. На днях ваш муж успешно закрыл один контракт. Премия составила ровно десять миллионов иен. Если эти деньги до вас не дошли, значит, у нашего прирученного волка завелась заначка. А скрытность в финансовых вопросах, как известно, первый шаг к семейному разладу.

Эри медленно, с тяжелым вздохом повернула голову к мужу.

Тодзи мгновенно растерял весь свой грозный вид и едва не рухнул перед ней на колени:

— Эри, клянусь, это ложь! То есть... не совсем ложь, но позволь мне все объяснить!..

Правда заключалась в том, что бедолага не устоял перед искушением и спустил всю сумму на ипподроме. С его феноменальным везением результат был немного предсказуем — карманы опустели в тот же вечер. Признаться жене в такой глупости он не решился, вот и утаил доход.

И надо же было этому проклятому Годжо выдать его с потрохами именно сейчас!

Откуда вообще этот паршивец узнал, что деньги не попали в семейный бюджет?

Хара лишь загадочно улыбнулся, мысленно похвалив себя за предусмотрительность. Он ведь без лишнего шума выкупил все букмекерские конторы в округе.

Зная страсть своего работника к азартным играм и его фатальное невезение, Хара решил дело практично: зачем отдавать честно заработанные миллионы чужим людям, если их можно вернуть обратно в бюджет компании? Тодзи проигрывает деньги в заведении босса, босс забирает их себе и выдает в качестве следующей зарплаты. И волки сыты, и наемник доволен процессом. Настоящее торжество рыночной экономики!

<http://bllate.org/book/19549/2004415>